

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук Чернышевой Елены Геннадьевны о диссертации Криницына Александра Борисовича на тему: «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская: литература

Творчество Ф.М. Достоевского было и остается локусом острых научных дискуссий, центром преломления разновекторных, порой диаметрально противоположных исследовательских позиций. На пересечении различных научных трактовок, силовых линий, идущих от трудов отечественных и зарубежных авторов, представляющих прошлые эпохи и современность, находится диссертация А.Б. Криницына «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского».

Тема отражает центральную и весьма сложную проблему, которая не обойдена исследовательским вниманием, и автор диссертации уверенно прокладывает маршруты научной мысли между Сциллой теорий сюжета и Харибдой нарративных исследований по романному творчеству Ф.М. Достоевского.

В области теории сюжета диссертация содержит рефлексию над дефинициями сюжета, рожденными в различных методологических штудиях; трактовки сюжета рассмотрены как диахронически: от А.Н. Веселовского к В. Шмиду, так и - на разных этапах - синхронически (например: Ю.М. Лотман, Л.М. Цилевич, Б.О. Корман). На основании анализа существующих нарративных теорий автор и систематизирует основные концепты, опирается на дефиницию, предложенную Ю.М. Лотманом, согласно которой сюжет строится благодаря «перемещению персонажа через границы семантического поля».

Соискатель предлагает собственное определение сюжета, которое становится рабочим и работающим в исследовании романной поэтики Ф.М. Достоевского. Сюжет трактуется как ряд событий, определяющих целостность и завершенность смысла произведения, ядром которого становится личностное становление/самоопределение героя. Сюжет рассматривается как самоценная художественная реальность, в которой *событие* становится конститутивным явлением и предопределяет конфликт, мотивные ряды и иные элементы поэтики.

Автор диссертации также существенно опирается на работы, где сюжет рассматривается включенным в жанр романа - в сложно организованное художественное высказывание о частном человеке, заново осмысляющем мир в событиях своей жизни (труды Д. Лукача, М.М. Бахтина, В.В. Кожинова, Б. А. Грифцова и Н.Т. Рымаря).

Если объектом исследования А.Б. Криницына являются все романы Достоевского, включая докаторжные, то его целью является описание структуры сюжета романов «пятикнижия» Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»).

Последовательная реализация этой цели во многом определяет новизну исследования: концептуальное построение сюжетных уровней романов Ф.М.Достоевского и их «поатомная» проработка приводят к установлению общих закономерностей сюжетной организации «пятикнижия» с точки зрения единства их поэтики. В системном виде эти проблемы в достоевистике не решались. Актуальность исследования очевидна: в литературоведении существует своеобразный интеллектуальный запрос на работы генерирующего порядка, будь то мифопоэтика и динамика жанровой структуры того или иного метатекста, целой литературной эпохи (например, рубежа XIX-XX вв.) или определение ведущего типа художественного сознания, преломленного в поэтике одного или нескольких авторов. Словно отвечая на этот запрос, автор диссертации под нарративным углом артикулирует актуальную проблему: «пятикнижие» строится на совсем других принципах, нежели современный ему русский реалистический роман. Среди этих принципов, по крайней мере, в области нарратива, автором диссертации неоднократно выделяются «апофатические»: дезориентация читателя относительно кода чтения, отрицание одного сюжетного уровня другим, непредсказуемость момента повествования, отсутствие единства действия, понимаемого по-аристотелевски, атипичность, недоразвертывание и обрыв жанровых схем и т.д. «У Достоевского сочетаются два взаимоисключающих принципа: подражательное воспроизведение традиционной романной формы - и тут же преодоление ее изнутри, а в конечном итоге - преодоление всякой литературной формы» (с.5). И все же, несмотря на этот несколько провокативный тезис, в диссертации пошагово доказывается существование пусть уникальной, но устойчивой системы, сложной иерархии сюжетных уровней и элементов.

Традиционные и экзотические версии романной специфики Достоевского (роман-идея, роман-прозрение, роман-трагедия, роман-лицо, катастрофа, полифонический роман, принадлежащие Б.М. Энгельгардту, В.Иванову, Л.Гроссману, М.М.Бахтину, А. Ковачу), сюжетно-композиционные приемы (конклав, имплицитность сюжетов, катастрофизм действия и его телеогичность/апокалиптичность) рассмотрены всесторонне как необходимые, но недостаточные для понимания глубины повествовательной природы этого жанра у Ф.М.Достоевского. В результате осуществлен вполне удавшийся опыт построения иерархической и динамической модели сюжетного развертывания в поэтике романов Достоевского. В ее основе - 5 сюжетных уровней, которые тяготеют, в нашем представлении, к двум полюсам. Первый - это уровни, заданные концептуальными феноменами в сознании художника: вечными евангельскими протосюжетами (глава 2), национально-историческими идеологемами, явленными аллегорически (глава 3) и авторской «новой» мифологией (глава 4). Второй полюс - это уровни, обусловленные собственно романной/жанровой природой сюжета: глава 5 и 6, где рассматриваются модели событий и героев в их частных судьбах, вовлеченных в перипетии

истории, жизнь социума (бульварный роман, семейный роман, роман-воспитание и др., построение массовых сцен, герой-идеолог, исповедальный монолог как форма общения).

В диссертации выявляется набор устойчивых сюжетных мотивов, переходящих из романа в роман, всякий раз с разной степенью развернутости.

В числе основных результатов - модель континуального события, совершающегося на протяжении всего романа. Романное действие у Ф.М.Достоевского развивается экстенсивно постоянным вводом новых побочных сюжетов, которые стремятся с периферии в центр сюжетного потока, их число относительно базовой фабулы предопределяет степень многозначности и неустойчивости структуры целого. Важнейшие компоненты динамического развития не образуют единой сюжетной линии и являются элементами разных сюжетных планов. И даже мифологическая предопределенность основной фабулы оборачивается непредсказуемостью очередного компонента динамического развития.

Если опорный «семейный» сюжет строится как цепь скандалов, то идейно-психологические сюжеты определяются внутренним развитием идеи в душе героя, которое в силу интенсивности переживания воспринимается как событие и в котором они могут пребывать бесконечно долго. Развиваются сюжеты идеи - это сюжеты длящихся состояний и психологических манифестаций. Сюжетные линии трансформируются в положения, длящиеся наивозможно долго ради описания кризисного психологического состояния *героев*. Сверхпоступок оказывается единственным действием, на которое способен герой-идеолог, — сюжетной кульминацией, единственной в его жизни и судьбе. Поэтому между сверхпоступками разных героев нет никакой связи, и они выпадают из общей большой романной интриги, образуя каждую самостоятельную, автономную сюжетную линию (за исключением «Бесов»).

Если сюжетные уровни строятся по законам определенной жанровой разновидности (романы ужаса и тайн, бульварный роман, роман-воспитание), то в структуре целого Достоевский уходит от традиционных жанровых схем путем их обрыва и недоразвертывания, поддерживая постоянное драматическое напряжение при избегании действия.

Концепция диссертации находит подтверждение в скрупулезном анализе самых разных элементов поэтики, среди которых важное внимание отводится компонентам динамического развития (это новое терминологическое словосочетание, вводимое в диссертации): диалогам, массовым сценам и жизненным катастрофам.

В связи с ведущими положениями диссертации возникает вопрос. Можно ли на основе анализа такого значимого уровня поэтики, как сюжетосложение романов Достоевского, сказать, тяготеет ли индивидуальный метод Ф.М. Достоевского, названный им «реализм в высшем смысле», к тому или иному типологически определенному методу,

стилю, наконец, течению, характерному для предмодернистской или модернистской эпохи? Какими феноменами европейского литературного процесса - при всей их исключительности, конгениальны сюжеты пяти великих романов?

Благодаря исследованию романного сюжета «пятикнижия», в диссертации дается аналитическая оценка новейшим исследованиям, по-новому обобщаются многие положения достоевистики. Так, например, при систематизации черт типа подпольного человека выявляются полюса этого социально-психологического феномена, открытого Ф.М. Достоевским: одновременное тяготение к добру и злу, стыд за самого себя и упоение риском, отчуждение/молчание и жажда быть частью социума, интимное переживание наслаждения от ужасного, стыдного замысла - и устремленность к эсхатологическому модусу идеи, к чаянию «конца времени».

Своеобразным практическим изводом и - одновременно - полигоном новых идей становится «Приложение», где на материале семи романов анализируется развертывание каждого из пяти сюжетных уровней. Причем показана динамика сюжетной модели. В итоговых «Братьях Карамазовых» все сюжетные уровни получают новое развитие: увеличивается число евангельских прасюжетов, выкристаллизовывается в сильных позициях текста уровень аллегорический, семейная и детская романские линии, характеризующие сюжетный уровень, тесно смыкаются с мифологическим и идейно-психологическим уровнями, наконец, жанровый субтекст «Великий инквизитор» придает всему роману мистериальный характер.

А.Б. Креницын осуществляет попытку комплексного непротиворечивого сочетания различных исследовательских методов, включая структурный, что сказывается не только и не столько в цитировании классиков структурализма, сколько в построении схем-таблиц, демонстрирующих общие эсхатологические черты героев и событий (2 глава «Евангельский сюжетный уровень в романах пятикнижия»), схем динамического развития сюжетов от романа к роману (ДРК), в структурировании образа героя и его динамической связи с жанровой характерностью, в видении героя как функции перехода идеи в событие (глава 5 «Романический сюжетный уровень»), в рассмотрении бинарных оппозиций романа «Идиот» и др. Вместе с тем в работе А.Б. Креницына реализуется ценностный субъективизм, когда в единую цепь от горизонтов ожидания до интерпретации и понимания включен и персонаж, и автор, и читатель, т.о. небезосновательно декларируется герменевтический подход, ставший, по мысли В.Е. Хализева, ключевым методом для искусствоведения и литературоведения.

Отметим все же одну, с нашей точки зрения, несогласованность в обращении к методам исследования. Говоря о мифологическом уровне сюжета, А.Б. Креницын в рамках своей концепции справедливо обосновывает обращение к оригинальной / индивидуальной авторской

мифологии Ф.М. Достоевского трудами А.Ф.Лосева, обращая внимание на то, что задачей его исследования ставится не выявление мотивов и структур традиционных (архаических и культурно-литературных) мифов у Достоевского, но реконструкция персональных мифов творчества. Вместе с тем далее в ходе размышлений соискатель несколько раз обращается к работам К. Леви-Стросса, представлявшим позитивистскую линию исследования мифа и работавшим как раз с традиционной мифологией. Вероятно, отсюда, некоторая недоговоренность в интерпретации конкретных авторских мифологем. При анализе, например, мифа «прощение матери-Земли» в романах Ф.М.Достоевского говорится об архаических версиях мифа, актуализированных писателем, а при анализе «мифа дуализма» (который, как показывает автор диссертации, встречается в двух разновидностях) нет отсылки к архаичному близнечному мифу. В этом же параграфе встречается спорное утверждение: «Двойничество в романтизме всегда имеет фантастический и демонический характер». Есть ли демонический характер, например, в образе двойника-«эманации» творческой личности в романе Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии»?

Наконец, с нашей точки зрения, требует комментария один из пассажей разработки мотива покаянного любовного воссоединения убийцы со своей жертвой. «Этот мотив может приобретать *чисто христианское звучание* (рай на земле наступит тогда, когда осуществится всеобщее любовное единение и всепрощение и жертва обнимется со своим мучителем, и даже мать затравленного собаками мальчика простит его убийце, как в «Братьях Карамазовых», но может воплощаться в мистико-фантастических формах» (с. 162). Будет справедливым сказать, что А.Б. Криницын на с. 61 диссертации указывает: идея апокатастасиса в чем-то сближала Ф.М. Достоевского с сектантством. Однако иных комментариев относительно *неканонического* характера чаяния всеобщего спасения в диссертации нет, хотя этой проблеме уделялось внимание в публикациях А.Г. Гачевой, Т.А.Касаткиной и др.

Следует указать и на упущение в оформлении научного аппарата работы. А.Б. Криницын оперирует терминологическим словосочетанием «композиция сюжета», которое прорабатывалось не только Л. Цилевич (о чем автор пишет), но и Г.Н. Пospelовым, а также вводит его позицию в историко-научный ряд от Веселовского до И.В. Силантьева, однако имя Г.Н. Пospelова упущено в библиографии.

Нет в списке литературы и недавней диссертации С. Ю.Сафоновой «Мотив преступления как основа сюжетной интриги в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и романе Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда», которая могла бы дополнить западно-европейский романский контекст. Вместе с тем нельзя не отметить, что европейские параллели не только романских форм, но и иных жанровых форм широко привлекаются в диссертации. Автором плодотворно рассматриваются вопросы «направленческих» и стилевых истоков сюжетов Ф.М. Достоевского.

Высказанные замечания не снижают высокого уровня исследования А.Б. Криницына и нашей высокой оценки диссертации.

Системное рассмотрение вопросов сюжетосложения в романах Ф.М. Достоевского имеет не только историко-литературное, но и теоретическое значение.

Автореферат и публикации по проблематике диссертации (в том числе и 18 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ) раскрывают ее основное содержание.

Диссертация «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература, соответствует п. 9,10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2014 г. № 842, является научно-квалификационной работой, где на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение, а ее автор, Криницын Александр Борисович, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Чернышева Елена Геннадьевна
Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
Института филологии ФБГОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»
119991, Россия, Москва,
ул. Малая Пироговская, 1/1
+7(495)438-17-57
E-mail mail@mpgu.edu

Публикации

1. Чернышева Е. Г. О некоторых традициях Ф.М. Достоевского в драматургии А.П. Платонова // Традиции в русской литературе: международный сборник научных трудов. - Нижний Новгород: Мининский университет, 2014 . С. 149-155.
2. Чернышева Е. Г. (в соавторстве с Ильченко Н.М.) Немецкий герой в романе Н.А. Полевого «Аббадонна»// Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. № 33. С. 93-107.
3. Чернышева Е. Г. Драматургические версии «неудостоверенного» мира: «Елизавета Бам» Д. Хармса и «Дураки на периферии» А. Платонова в утопической и эсхатологической проекциях // Эсхатология и утопия в русской литературе XX в. Сост/ и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 602 - 621.